

Мой путь пролегает в сердце Адмиралтейской слободы. Там я в 1980 году появилась на свет и прожила первые семь лет своей жизни. Нет, это не одноимённый район Петербурга. Адмиралтейская слобода – это один из микрорайонов тысячелетнего города, расположившегося на левобережье средней Волги. Возможно, вы уже догадались, что речь идёт о Казани.

С каждой прогулкой по «Адмиралтейке» грустно замечаю, что от прежнего мира, частью которого я когда-то была, сейчас остались лишь крохотные островки. Многие здания, которые ещё хранит моя память, уже снесены. На их месте выросли новостройки, а кое-где лежат груды останков того, что раньше было человеческим жилищем. Покинутые жильцами дома смотрят пустыми глазницами окон и ждут очереди на снос, как и мой дом по улице Мало-Московской, 24. Однако часть старых особняков всё ещё продолжает жить, создавая резкий контраст новостройкам.

Вот, к примеру, дом с аркой по улице Адмиралтейской, 7 с вечно текущей крышей, обшарпанной штукатуркой и большим количеством замазанных цементом трещин. Он смотрится сгорбленным стариком на фоне горделиво красующейся вблизи высотки. В нём всё ещё живут люди. Пройдя под аркой этого дома, выходишь к небольшому одноэтажному зданию, в котором ещё действует заводская баня. Над входом громоздится большая надпись «Мунча». Сейчас помывочная работает всего два раза в неделю, а в годы моего детства люди ходили туда ежедневно. Три раза в неделю могли помыться женщины, три раза в неделю – мужчины, а по воскресеньям на помывку приводили строем солдат из близлежащей военной части.

Помню, поход в баню весной и осенью давался нелегко. В межсезонье на дороге за домом с аркой разливалась огромная глубокая лужа. Приходи-

лось прыгать по торчащим из неё кочкам, крепко держа тазик, веник и сумку с банными принадлежностями. Внутри помывочной стоял постоянный гул, пахло запаренными берёзовыми вениками. На входе у кассы стоял автомат с газировкой. Помывшись, посетители подходили к нему и совершали определённый ритуал. Сначала протирали носовым платочком ободок стеклянного стакана, затем ставили его под кран, следом бросали в узкую прорезь автомата три копейки и ждали, пока с шипением наливалась прозрачная вода с пузырьками. Взрослые пили газировку, смакуя, а дети опустошали стакан в один миг и просили добавки. В 1986 году в бане поставили аттракцион «Петух». Его очень полюбили малыши. Он с шумом катал маленьких седоков туда-сюда раз десять. Родителям приходилось раскошелиться на пять копеек, но эта трата с лихвой окупалась весёлым смехом довольных карапузов.

На Мало-Московской всё ещё стоит бывший заводской клуб. Сейчас он называется «Дом молодёжи». В детстве мы бегали туда, собираясь целыми шумными компаниями, чтобы смотреть красочные индийские фильмы. В памяти навсегда остались образы поющих и танцующих Зиты и Гиты, а за открытку со знаменитым индийским актёром Митхуну Чакраборти каждый из нас готов был отдать половину своих сокровищ.

«Сокровищница» имелаась у каждого ребёнка в нашем дворе. Она представляла собой картонную коробку или деревянную шкатулку с разными безделушками: рыбками, сплетёнными из прозрачных трубочек от медицинских систем, открытками с портретами известных артистов, игральными кубиками и фишками, пузырьками от духов, значками, стёклышками и ракушками, найденными у реки и прочим, на взгляд взрослого, хламом. А ещё там хранилось «золотце» и «серебротце».

Этими словами обозначали железные колечки или невидимки с выпавшими камнями, порванные цепочки и брошки без замков, найденные на улице или полученные в дар от старших. Частенько девочки обменивались своими драгоценностями, устраивая ярмарку на лавочке во дворе. Увы, ни одна ярмарка не обходилась без воровства. Стоило кому-то зазеваться, как его сокровище бесследно исчезало, и найти вора не удавалось. Совершив обмен и разнеся по домам свои богатства, ребята вновь собирались во дворе, чтобы поиграть в весёлые игры. На память приходят их названия: «вышибалы», «цепи-цепи кованые», «бояре», «кукольный магазин», «море волнуется раз»...

Напротив моего дома, по соседству с клубом, стоял завод «Сантехприбор». Сейчас от него остался лишь кирпичный фундамент. А когда-то из окон моей квартиры виднелись он сам и маленький магазинчик при нём. На завод проходили по пропуску. Из проходной посторонних выгонял строгий охранник, зато в магазинчик мог зайти любой желающий. Мы тоже иногда забегали туда, чтобы посмотреть на хромированные краники, медные смесители и прочие сантехнические штучки, манявшие нас завораживающим блеском. Однако местная продавщица с криком: «Здесь вам не музей!» – выгоняла нас из помещения.

Пройдя ещё немного по тихой улочке, упираться в супермаркет. Память возвращает в то время, когда в этом здании находились пост Народной дружины, парикмахерская и салон ритуальных услуг. У каждой организации было своё крыльцо. Недалеко от входа в салон «Ритуальные услуги», на углу улиц Мало-Московской и Урицкого, стояла красная телефонная будка. Некоторые ребята умели обманывать телефонный аппарат и звонили на разные номера, какие приходили им в голову. Делалось это так: набирали номер, ждали, пока идёт гудок, а если на том конце снимали трубку, ребята нажимали на рычаг, но не до конца, чтобы слышался щелчок, как от провалившейся монетки, и (о чудо!) трубка отвечала человеческим голосом: «Алло». Из нас выстраивалась целая очередь желающих мяукнуть, квакнуть или хрюкнуть в трубку человеку, ответившему на звонок, а потом хохотать всей компанией.

Строгие дружинники, заметив ребячью толпу возле телефонной будки, немедленно выходили на улицу и прогоняли нас от аппарата, после чего вся ватага бежала в парк под названием Садик Рыбака. На его территории стоял неработающий фонтан, по которому всегда лазали дети. У фонтана плохо работал насос, поэтому воду подавали лишь девятого мая и только во время торжественных мероприятий. Потом фонтан отключали до следующего праздника. За месяц вода успевала испариться и открывала путь всем любителям мраморной крошки. Наковыряв разноцветных кусочков мрамора и набив ими карманы, мы направлялись к широкой деревянной горке.

Набегавшись вдоволь, кто-то из нашей компании обязательно пытался влезть в декоративный

домиком, стоящий подаль на пеньке. Взрослые в шутку говорили, что в нём ночует Баба Яга, а мы, свято в это веря, пытались добыть какой-нибудь волшебный предмет. Не обнаружив в домике ничего ценного, наша дружная компания бежала наискосок по Садику Рыбака и выходила на перекрёстке улиц Урицкого и Клары Цеткин. В этом месте стояла большая синяя будка с огромной надписью «Тундырма». Естественно, летом она становилась местом постоянного паломничества детей всех возрастов.

В будке открывалось окошечко, через которое улыбая продавщица за серебристую пятнадцатикопеечную монетку отдавала бумажный стаканчик с разноцветным молочным мороженым и деревянной палочкой, а за четвертак – вафельный стаканчик с пломбиром. Мы искренне не понимали, как можно менять такое сокровище на какие-то одинаковые на вид железные монетки. Нет, мы их тоже копили, но только юбилейные. Обычные копейки не представляли для нас никакого интереса.

Слопа мороженое и почувствовав прилив сил, мы отправлялись на свершение новых подвигов. Наш путь пролегал до конца улицы Урицкого. Пересекая Милицейскую, мы выходили на Большую, затем на Брюсова, а оттуда – прямо к Волге. На берегу реки всегда было на что поглазеть: земснаряды намывали речной песок, а потом огромными ковшами экскаваторы грузили его на баржу. Полюбовавшись зрелищем, мы возвращались по Брюсова на улицу Большую и топали по ней до городской дамбы, где женщины стирали ковры. Летом там всегда купались. Бывало, что возле берега плавала солитёрная рыба. Её замечали издали по серебристому хребту, торчащему из воды. Мальчишки, которые хорошо плавали, с визгом бросались ловить «солитёрку». Иногда им это удавалось. Тогда пацаны, помахав нам пойманной рыбой, отпускали её восвояси.

Обсохнув после купания, мы отправлялись к железнодорожной платформе «Адмиралтейская слобода». Наш путь пролегал мимо кинотеатра «Звёздочка». Когда-то в нём шли хорошие советские фильмы для детей и взрослых, а билет на сеанс стоил копейки. В конце восьмидесятых годов в прокате стали появляться иностранные киноленты. Помню, как строга билетёрша не продавала детям билеты на американский фильм «Кинг-Конг». Группы расстроенных школьников, не успевших обзавестись паспортом, стояли у афиши и с завистью провожали глазами проходящих на сеанс взрослых и подростков, которым уже исполнилось 16 лет. Всё это осталось в прошлом. Сейчас в здании бывшего кинотеатра работает рекламно-полиграфическая фирма и располагаются складские помещения.

За кинотеатром начиналась стена завода «Серп и Молот». Обойдя её, мы выходили к железнодорожной ветке. Здесь у нас имела своя забава: мы клали монетки на рельсы и ждали, пока по ним не проедет поезд. На обладателя расплюсченной поездом монеты дворовая ребятня смотрела с вос-

хищением, как на сказочного героя. И хотя к железной дороге мы старались проскользнуть незамеченными, родители всё же как-то узнавали о каждой нашей вылазке. На удивлённые возгласы старшие отвечали: «Сорока на хвосте принесла!» И мы удивлялись: откуда столько сорок в нашем районе? Вот воробьёв да голубей не сосчитать!

Но, пожалуй, самым невероятным приключением для нас в те годы была поездка на трамвае в другой район города. И пусть расстояние было невелико, и добирались мы всего лишь до площади рядом с казанским железнодорожным вокзалом, но выглядело это как настоящее геройство. Началось наше большое путешествие с родной Мало-Московской улицы, шло мимо заводского клуба и пожарной каланчи, минуя дом с колоннами, стоявший на углу Адмиралтейской улицы. Завернув за угол, мы проходили мимо «сталинок», стоявших по одну сторону, и казарм «Петрушкиного двора» по другую. Именно там, недалеко от «Петрушки», разворачивался Первый номер – трамвай, соединявший Слободу с центральной частью города. Он являлся нашим проводником в другой мир.

«Однёрка» медленно шла по улице Клары Цеткин, делала несколько остановок, а затем ныряла под мост и выезжала за границы привычного нам мира. На Кировской дамбе открывался восхитительный вид с одной стороны на Волгу и Верхний Услон, а с другой – на белоснежный Кремль и вечно кренящуюся башню Сююмбике. Частенько вместе с нами в город ездили мальчишки постарше, состоявшие на учёте в детской комнате милиции.

Родители запрещали нам с ними общаться, называя их «хулиганьё», но мы всё равно дружили. Эти ребята не заходили в салон трамвая, как мы, а ехали снаружи, ухватившись за маленькую лесенку позади вагона.

Прибыв на привокзальную площадь, старшие товарищи шли по своим делам на вокзал, а мы пробирались по узкому проулку мимо здания «Ильдан-Лик» и гостиницы «Дус» к казанскому чуду света – магазину ЦУМ. Он походил на огромный сверкающий дворец. И чего там только не было!

Огромный отдел игрушек, занимавший большую часть первого этажа, приводил нас в неописываемый

восторг. Мы ходили там, как в музее, рассматривая каждую игрушку и примечая то, что можно затем выпросить у родителей на день рождения. В этом отделе продавщицы не выгоняли нас, как в других, а вежливо просили прийти со взрослыми и терпеливо ждали, пока мы уйдём, зорко наблюдая, чтобы никто ничего не утащил. Иногда по нашей просьбе они писали на шершавых, неровно нарезанных бумажках название игрушечной модели, куклы или набора кукольной посуды и цену, чтобы мы отдали взрослым.

Завершив экскурсию по игрушечному отделу, мы поднимались по волшебной лесенке-эскалатору на второй этаж, чтобы поглазеть на золотых рыбок в большом круглом аквариуме. Каждый из нас загадывал, чтобы ему купили понравившуюся игрушку. Мы верили, что золотые рыбки волшебные и могут исполнять желания.

Выйдя из ЦУМа спустя два-три часа, мы неслись сломя голову назад, чтобы сесть на Первый трамвай и поскорее вернуться домой. В восьмидесятые годы нас, безбилетных детишек, ещё не выгоняли из транспорта, как это стали делать в девяностых. Но родители к вечеру обязательно узнавали о нашем дерзком путешествии и строго наказывали. И всё же ни ремень, ни лишение сладкого, ни стояние в углу не могли унять в нас жажду путешествовать за пределы знакомого мира.

Минуло много лет. Адмиралтейская слобода переворачивает страницу своей истории. В годы моего детства здесь жили рабочие трёх крупных заводов, стояли двух-трёхэтажные кирпичные дома с цветущими палисадниками, самодельными песочницами и голубятнями. Работала средняя школа и небольшие продуктовые лавки с хлебом, молоком и овощами. Сейчас город пишет новую страницу истории, в которой Адмиралтейская слобода становится элитным микрорайоном с взметнувшимися свечками многоэтажек, спортивной академией тенниса, двумя гимназиями, супермаркетами и модельной библиотекой.

От этой экскурсии по лабиринтам собственной памяти веет лёгкой грустью, а вслед мне шелестят истинные хозяева Слободы, вездесущие американские клёны.